

Хан Сиэнь неторопливо поднял голову. Перед ним стоял подросток лет тринадцати-четырнадцати — круглолицый, пухлощекий и необычайно миловидный. Его круглые, ясные глаза, чистые, словно омытое дождем весеннее небо, то и дело моргали. Всем своим видом он напоминал какое-то безобидное маленькое существо.

Хан Сиэнь лениво скользнул по нему взглядом.

«Если и сравнивать его с кем-то из зверей, то разве что с кроликом».

Встретившись с ним взглядом, малец растерялся. Он захлопал ресницами еще чаще, а при виде изможденного, болезненно-желтого лица Хана Сиэня его и вовсе захлестнула жалость. В юной голове тут же родились картины одна мрачнее другой: воображение услужливо рисовало, через какие неопишуемые муки и лишения пришлось пройти этому бедняге.

Сжав губы, подросток протянул серебряный слиток чуть ближе к Хану Сиэню.

— Держи, — вполголоса произнес он.

Стоявший рядом Ань Цао наконец опомнился. До него со свистом дошло: его господина, наследника герцогского титула, приняли за уличного оборванца! Слуга поспешно шагнул вперед, намереваясь исправить недоразумение:

— Молодой господин, вы ошибаетесь, наш господин вовсе не попрошай...

Договорить он не успел. Хан Сиэнь протянул исхудавшую руку и неторопливо забрал серебро.

Осекшись на полуслове, Ань Цао поспешно проглотил остаток фразы и, виновато опустив глаза, замер рядом тише воды, ниже травы.

Подросток недоуменно скользнул по нему взглядом, однако задерживать внимание на этом уродце не стал. Увидев, что серебро принято, он просиял и, слегка смутившись, неловко затеребил воротник:

— Вы ведь приехали в столицу на императорские экзамены, да?

Подкинув на ладони холодный металл, Хан Сиэнь тихо усмехнулся:

— Вовсе нет. Да и экзамены сейчас не проводят. Считаю, что я взял эти деньги в долг. Со временем верну.

Его тон прозвучал сухо и совершенно неискренне, но паренек, казалось, ничуть не обиделся.

Напротив, он явно обрадовался тому, что с ним заговорили без высокомерия.

Подросток робко улыбнулся. Видимо, он не слишком умел общаться с незнакомцами, потому что лишь неловко почесал затылок. Но стоило ему открыть рот, чтобы ответить, как из-за угла торопливо вышел рослый, крепко сбитый мужчина. Завидев беглеца, тот шумно выдохнул с явным облегчением.

При его появлении мальчишка испуганно втянул голову в плечи. Обернувшись к Хану Сиэню, он быстро-быстро зашептал:

— Я только сегодня приехал в столицу, совсем ничего тут не знаю. Если тебе...

Мужчина демонстративно и громко кашлянул, прерывая его на полуслове, и с нажимом произнес:

— Молодой господин, вам пора назад. Хозяин заждался вас дома.

Договорив, он смерил Хана Сиэня тяжелым, подозрительным взглядом.

Подросток смутился, вспомнив о чем-то важном. Неловко потеряв ладони, он пробормотал:

— Что ж, я пойду.

И, развернувшись, послушно зашагал следом за слугой.

Когда хрупкий силуэт скрылся в бурлящем людском потоке, Хан Сиэнь перевел взгляд со слитка на вывеску трактира перед собой.

— Идем, — негромко скомандовал он.

Ань Цао всю дорогу терялся в догадках.

«Зачем господин принял милостыню от незнакомца? Ведь если слухи поползут по столице, от репутации герцогского дома — да и от доброго имени самого наследника — камня на камне не останется».

Но высказать свои опасения вслух слуга не смел, а потому лишь молча семенил следом.

При виде нового посетителя у трактирного слуги тоскливо сжалось сердце. Он испугался, что этот изможденный гость своим мертвецким видом распугает всех приличных посетителей в общем зале, но указать ему на дверь не рискнул.

В столице знатных господ пруд пруди: сбрось с крыши вывеску — она непременно пришибет десяток чиновников, а одиннадцатого зацепит по касательной. И хотя у их заведения имелся солидный покровитель, испытывать судьбу не хотелось. Вдруг этот оборванец окажется из тех, с кем шутки плохи?

Да и торговать следовало с умом: вежливость — залог прибыли.

Все эти сомнения промелькнули в голове слуги за долю секунды. Натянув самую радушную улыбку, на какую только был способен, он услужливо поклонился и повел гостя внутрь.

— Уважаемый господин, у нас есть свободные места и в общем зале, и в уединенных кабинетах на втором этаже. Где вам будет угоднее расположиться?

В общем зале как раз выступал сказитель. Толпа увлеченно слушала, то и дело взрываясь аплодисментами и одобрительными выкриками. Хан Сиэнь мазнул взглядом по рассказчику, затем посмотрел на слугу и тонко, понимающе усмехнулся:

— Веди на второй.

От этой усмешки у слуги мороз по коже продрал. Ему показалось, что странный гость видит его насквозь. Не смея больше перечить, он торопливо засеменил к лестнице, увлекая Хана Сиэня за собой.

Оказавшись в отдельном кабинете, Хан Сиэнь опустился на стул и положил серебряный слиток перед собой. Уголки его губ тронула насмешливая, горькая улыбка. Он забрал эти деньги вовсе не из прихоти или желания поиздеваться над добряком. Причина была до смешного проста — у него действительно не водилось ни единого медного гроша.

«Интересно, какими красками заиграют лица обитателей поместья герцога Хань, когда до них долетят эти вести?»

На душе у него потеплело от предвкушения грядущего скандала. В одном Ань Цао был абсолютно прав: Хану Сиэню действительно было плевать и на престиж семьи, и на собственное доброе имя.

Тем временем внизу старый сказитель закончил основное повествование и принялся развлекать публику свежими столичными сплетнями. Стоило ему упомянуть о пышном праздновании именин старой госпожи Хань, как толпа одобрительно загудела. Монеты посыпались на помост непрекращающимся дождем, отчего голос старика зазвенел от нескрываемого восторга.

Судя по оживленному шепотку и едким смешкам, Поместье герцога Хань за последнее время превратилось в главное посмешище столицы. Хан Сиэнь, лениво потягивая чай и угощаясь

нежными пирожными, слушал это представление с искренним удовольствием.

Когда старик дошел до момента, где молодой наследник собственноручно скрутил и связал собственную няньку, снизу донесся чей-то громкий, издевательский смешок. На весь трактир раздался ленивый, сочащийся ядом голос:

— А этот щенок из дома Хань, как погляжу, унаследовал хватку своих предков!

Вся столица знала, что основатель рода Хань в свое время промышлял забоем свиней. Намек на «хватку предков» прозвучал предельно ясно: наследника сравнили с обычным мясником. Зал мгновенно грохнул от хохота.

Но сквозь этот дружный гогот из соседнего кабинета внезапно донесся ледяной, пронзительный смешок. Хан Сизнь замер, так и не донеся пирожное до рта. Он впервые в жизни сосредоточил все свои ментальные силы, но так и не смог уловить ни единого отголоска чужих мыслей.

<http://bllate.org/book/20088/2001971>